

Часть II

С.В. Ефимов

Оружие Западной Европы XV–XVII вв. в Артиллерийском музее.

История формирования собрания (XVIII в. – 1930-е гг.)

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи обладает одним из крупнейших в России собраний оружия и доспехов стран Западной Европы XV–XVII вв. Оно сопоставимо лишь с коллекциями Государственного Эрмитажа, Оружейной палаты Московского Кремля и Государственного исторического музея.

Это собрание начало формироваться еще в начале XVIII в. с момента учреждения Цейхгауза на территории Петропавловской крепости (1703). Долгие годы оно хранилось в фондах музея, и лишь в 2006 г. к 250-летию юбилею Достопамятного зала – предшественника музея – его небольшая часть включена в постоянно действующую экспозицию. К величайшему сожалению сохранилось крайне мало документов, освещающих историю этого собрания и, прежде всего, начальный этап его комплектования.

Следует отметить, что западноевропейское оружие не было в диковинку для Московского государства. Рыцарские доспехи и оружие попадали к царскому двору в качестве дипломатических подарков либо преподносились в числе военных трофеев. Отдельные предметы оказывались в оружейных собраниях частных лиц из числа правящей элиты. Надо сказать, что практического применения в России XVII в. рыцарские доспехи и оружие не получили. Они хранились у царей и бояр как заморские диковинки.

С воцарением Петра I Россия начала быстро сближаться с Западной Европой. Правящий класс ускоренно стал перенимать европейскую культуру, хотя бы в ее внешних формах. В конце XVII – начале XVIII вв., в соответствии с западноевропейской традицией, Петра I и его военачальников все чаще стали изображать в рыцарских латах. Достаточно обратиться к живописным полотнам кисти Г. Неллера (Кнеллера), Я. Веникса, Б. Коф-

фра, Ж.М. Натье, И.Г. Таннауэра, И.Н. Никитина и др¹.

Кроме того, с петровского времени изменяется погребальный церемониал особ царской фамилии и представителей высшей знати. Похороны происходят по западноевропейскому образцу (т.н. «геральдические похороны»).

После смерти Петра Великого его тело было выставлено в большой «сале» Зимнего дворца, которая была превращена в «каструм долорис, или печальную салу». На гравюрах А.И. Ростовцева «Вид погребальной залы Петра I» (1725) и С.М. Коровина «Оформление стены погребальной залы Петра I» (1725) видны элементы военной арматуры, составленной из доспехов, оружия и знамен, которой зал был декорирован. На гравюре Ростовцева по бокам от гроба с телом первого русского императора стоят офицеры в черных епанчах с алебардами в руках и своим внешним видом напоминают рыцарей в траурных одеждах².

В погребальной процессии, шествовавшей в Петропавловскую крепость, тело государя сопровождали две символические фигуры рыцарей с опущенными обнаженными мечами. Один из них в вызолоченных латах («радостный рыцарь») следовал верхом на коне, а другой («печальный рыцарь»), в черных латах, шел пешком: «В позлащенных латах из шталмейстеров Козма Теремицкой ехал на лошади с обнаженным мечом, на лошади седло шито с богатым убором, у того латника на шлеме, також и у лошади на голове и на хресте плюмажныя кусты из красных и белых перьев; по обе стороны ево шли два драбанта в черном платье и епанчах с алебардами. В черных латах артиллерии капитан Валмут шел держа меч вниз, обвит ефес черным флором, на голове плюмажный куст из черных же перьев». По прибытии процессии в собор святых апостолов Петра и Павла во время отпева-

ния оба рыцаря стояли «во главах гроба»³.

Можно предположить, что эти или подобные им латы сохранялись и использовались при последующих погребениях российских монархов. В описи Достопамятного зала отмечены «латы Тевтонского рыцаря, на голову и грудь вызолочены, а на спину черные»⁴.

Там же хранилась и пара доспехов, которая использовалась в траурной процессии, сопровождавшей в последний путь «дщерь Петрову» в 1762 г.: «Рыцари, два, печальных, в черных латах. При них 2 больших меча и 1 малый. Означенные латы были в употреблении при погребении им. Елисаветы Петровны»⁵.

В специальной «Траурной комнате» Достопамятного зала хранились предметы «печальной церемонии погребения императора Николая I». В их числе были гербы, знамена, штандарты, жезлы, государственные мечи, а также латы «печального» и «радостного» рыцарей («Рыцари, два, с мечами, один вызолоченный, другой в черных латах»). Поскольку в этой же комнате хранились «вещи, бывшие в употреблении при погребении тела в Бозе почившего императора Александра I», то можно предположить, что доспехи рыцарей использовались при императорских похоронах как в 1825, так и в 1855 гг.⁶

В фондах музея находится большое количество однотипных нагрудных лат XVII в., которые очень часто фигурируют в каталожных описаниях как доспехи полков «нового строя» времен царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. На самом деле их происхождение иное.

В начале 1730-х гг. правительство императрицы Анны Иоанновны озаботилось созданием кирасирских полков на европейский манер. Эти новые для российской армии кавалерийские соединения требовали соответствующей экипировки. В частности, необходимо было срочно изготовить большое количество кирас. Денег, по-видимому, в казне как всегда не хватало. Вероятно, кто-то подсказал государыне-императрице дешевый, как казалось бы, способ снарядить кирасиров. 5 июня 1732 г. артиллерийское ведомство получило указ: «Понеже из ведомостей усмотрено, что в Риге, в Ревеле, также в Шлиссельбурхе имеется немалое число лат, того ради по указу Ея Императорского Величества Канцелярии главной артиллерии и фортификации приказали из оных лат взять в Санкт-Петербург нагрудных добрых лат для пробы, по десять. А как в Санкт-Петербург присланы будут, то те латы опробовать стрельбою, могут ли оные быть годны в Кирасирский полк. А отправить те латы с нарочным из Ревеля и Шлиссельбурха водою на судах каких либо, с кем из вольных людей случится, а из Риги на фирленцкой лошади. И прислать известие, таковых нагрудных лат, каковы, отку-

да будут посланы, много ль останется»⁷.

Спустя год, 11 августа 1733 г., вспомнили, что иноземные трофейные латы могут быть и в других арсеналах. Последовало дополнительное распоряжение: «Приказали из имеющихся в Киевском артиллерийском цейхгаузе лат годных тысячи четыреста пятнадцати каждого сорта по две латы прислать в Москву, а затем отправить в Санкт-Петербург»⁸. Велено было также проверить, есть ли в Севском цейхгаузе среди ржавых и ломаных лат целые. Заметим, что вышеперечисленные арсеналы находились на западных границах империи, и, скорее всего, именно там могло отложиться большое количество трофейного польского и шведского оружия и доспехов.

В августе 1733 г. началась переделка лат артиллерийскими мастерами под присмотром обер-вагенмейстера Реэра⁹. В середине месяца в Кабинет Ея Императорского Величества был вызван один из руководителей Канцелярии главной артиллерии и фортификации – Унковский, которому было отдано распоряжение о переделке лат «и о приделе к латам приборов». Их приказали «убрать обшивкой по краям красным сукном, а всподи холстом». При этом Унковскому была дана «образцовая лата». Руководил переделкой капитан над мастерами Еремей Креницын (Криницын)¹⁰.

По-видимому, переделка старых лат не очень удалась. Последовало новое распоряжение – в молотовой кузнице на Охтинских пороховых заводах изготовить две офицерские и две кирасирские латы для образца¹¹.

Правительство торопило Канцелярию с выполнением заказа, и 21 сентября 1733 г. генерал-фельдцейхмейстер Б.-Х. Миних указал «о выборе лутчих и из имеющихся в России шведских лат, о отделке их, а особливо тех, кои в Москве и в близости к Москве местах, и об отдаче их с Москвы в кирасирские полки». В гарнизонах и в «прочих артиллерийского ведомства местах» приказано было произвести разбор старых лат и отобрать годные для отделки¹².

Вероятно, некоторые из числа присланных для переделки лат могли оказаться в Цейхгаузе. В позднейшей описи числится большое количество железных нагрудных лат (часть из них с позолоченными краями), а также кирас¹³.

Началом следующего этапа формирования собрания западноевропейского оружия послужил указ Канцелярии главной артиллерии и фортификации (центрального органа артиллерийского ведомства) 28 июня 1756 г. о централизации всех «Инвентаторских (опытных. – С.Е.), курьезных и достопамятных вещей в одном месте – в Санкт-Петербургском арсенале». Подпоручику И. Меллеру предписывалось освободить одну из палат Литейного дома и разместить там все имеющиеся в Санкт-Петербур-

ге подобные предметы, а также и вновь поступающие. Ему же вменялось в обязанность составить подробное описание их. Поскольку в Литейном доме не нашлось помещения, способного вместить все реликвии, их разместили в здании одного из складов на Новом пушечном дворе.

Указ о сборе достопамятных и курьезных вещей был послан во все города и веси России. Получившие его должны были срочно отобрать таковые, составить описание, сделать чертежи и выслать их его сиятельству генерал-фельдцейхмейстеру Петру Ивановичу Шувалову. А в ноябре по приказанию Шувалова для осмотра отобранных в монастырях, которые были неплохо вооружены и имели собственные арсеналы, «лат, кольчуг, ружья, знамен и других тому подобных орудий» был направлен подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка Иван Кропотков.

Во время Семилетней войны (1756–1763) русские войска заняли Кенигсберг – столицу Пруссии. Скорее всего, именно оттуда в числе многочисленных трофеев¹⁴ поступили доспехи рыцарей Тевтонского ордена. Для их хранения в Достопамятном зале была создана специальная «Рыцарская комната». Среди ее экспонатов оказался «намордник лошадиный Тевтонских рыцарей стальной, с прорезной надписью, значащей в переводе «Богу Единому слава и никому больше. Бог – мое утешение, Распятый на Кресте Сын – Спаситель мой. Сохрани нас, Господи, при слове твоём, которое пребудет во веки. Я во всех делах своих полагаюсь на Бога и Он сотворит благо». Там же находились двенадцать комплектов полированных доспехов тевтонских рыцарей с мечами и одни латы красного цвета. Большое количество различного типа «шишаков», судя по описанию, можно частично соотнести с западноевропейскими шлемами различных типов. Скорее всего, воинам ордена принадлежали четырнадцать нагрудных железных кирас с белыми крестами¹⁵.

В память событий Семилетней войны в Достопамятном зале оказались несколько городских немецких знамен. Одно из них датировано 1542 г., три других относятся к XVI–XVII вв. На них были вышиты многочисленные гербы и символы, а также девизы на латинском языке «Умеет ловко пользоваться приобретенным», «Надейся только на Бога», «Ловя – попадается», «Храбрость – есть наилучшая броня»¹⁶.

Собрание зала пополнялось и в екатерининское царствование. Несколько алебард и кинжалов XVI–XVII вв., шотландский клеймор поступили в Достопамятный зал в 1778 г. из Ораниенбаумской дворцовой конторы¹⁷.

Вероятно оттуда же происходят «три кирасира (болваны) герцогства Голстинского, в полных костюмах» XVII в.¹⁸ Скорее всего они при-

были в Россию из Голштинии вместе с наследником русского престола Петром Федоровичем в качестве «наглядных пособий».

Во второй половине XVIII в. после ликвидации Ревельского цейхгауза в Достопамятный зал – предшественник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи – поступило уникальное дульнозарядное крепостное ружье (кессельфлинт). Бронзовый ствол ружья закреплен в массивной ложе с прикладом, изготовленным в XVIII–XIX вв. К ложе прикреплена деревянная вилка со стержнем, с помощью которого ружье соединялось с деревянным станком. Сам станок не сохранился. Ствол в дульной части имеет грани, на казенной части с боковой части ствола находится затравочная полка, закрывавшаяся крышкой (утрачена). Прицел ружья сделан в виде женского бюста (голова утрачена) с отверстием. Казенная часть ствола украшена сценами сражений обнаженных пеших и конного воинов, держащих в руках щиты и палицы. По сторонам от двух нагих борцов, поражающих друг друга дубинками, расположены детские фигурки. Один из детей изображен падающим или брошенным вниз головой. Гербы города и Ревельского магистрата на щитках украшают среднюю часть ствола¹⁹.

Внутри ружья до сих пор находится пороховой заряд и железное ядро. Это выяснилось в процессе реставрации, проведенной в 2007 г. Ствол ружья имеет небольшое искривление, полученное, вероятно, в результате удара. Можно предположить, что его уронили с крепостной стены при подготовке к стрельбе. В результате искривления ствола невозможно было произвести выстрел, либо разрядить ружье, не повредив при этом ствол.

В 1827 г. из Рижского артиллерийского гарнизона в Достопамятный зал привезли кожаное седло, которое хранилось до 1810 г. в Рижском магистрате и использовалось при въезде шведских королей (начиная с Густава Адольфа и заканчивая Карлом XII) в Ригу²⁰. По некоторым сведениям, это седло было подарено рижанам королем Густавом Адольфом при въезде в город в 1621 г.²¹

В том же году из Нарвского артиллерийского гарнизона в Достопамятный зал доставили пятьдесят железных нагрудных лат черного цвета²².

В 1840 г. из Спасо-Ефимьевского монастыря в Достопамятный зал были переданы десять английских флагов (флагов-вымпелов) времен Елизаветы I Тюдор и Якова I Стюарта. На одном из флагов помимо английского герба был изображен двуглавый российский орел. Каким образом эти флаги времен первых английских посольств в Россию оказались в старинном монастыре, можно лишь догадываться.

Оружие для Достопамятного зала приобре-

талось также на антикварных аукционах и у частных лиц. Так, в 1847 г. на аукционной распродаже музея Рединга в Гамбурге был куплен уникальный щит городской стражи XVI–XVII вв. Он состоит из железного круга с наручником, на внутренней стороне которого ременная петля и кожаная ручка для держания щита в левой руке. Снаружи щита небольшой железный фонарь с окном, закрытым слюдой. На щите имеются специальные приспособления для захвата меча или шпаги противника²³.

Алебарда драбантов курфюрста прусского и маркграфа бранденбургского Иоганна Сигизмунда (1609) была приобретена в 1871 г. в г. Бердичев²⁴. В 1874 г. в Санкт-Петербурге для музея был куплен богато украшенный изображением Богоматери с младенцем-Христом, святых Варвары и Петра, рыцарей и т.п. французский меч начала XVI в.²⁵

Из Брест-Литовского отдела Варшавского артиллерийского склада в 1876 г. в музей были доставлены кинжалы и даги XV–XVI вв., ножны с чеканными изображениями рыцарей, драконов, ангелов и человеческих личин²⁶.

В 1872 г. заведующим Артиллерийским музеем (с 1912 г. – Артиллерийский исторический музей) был назначен талантливый военный историк капитан Николай Ефимович Бранденбург (впоследствии генерал-лейтенант). Этот человек обладал неординарными способностями и фундаментальными познаниями во многих областях исторической науки. Он поставил перед собой задачу превратить музей в подлинно научное учреждение. Его стараниями во второй половине 1870-х гг. в музей было передано большое количество старинного оружия XVI–XVII вв., в том числе и западноевропейского, из бывших оружейных палат монастырей, которые являлись форпостами в пограничных районах Московского государства.

В 1875 г. поступила коллекция крепостных и ручных ружей из Кирилло-Белозерского монастыря. «Великая государева крепость», предназначавшаяся на случай опасности быть убежищем для царя и казны, имела первоклассное оружие отечественного и иностранного производства. В собрании, наряду с русским огнестрельным оружием, имелись мушкеты, изготовленные в Зуле, Эссене и других крупных оружейных центрах Западной Европы.

В 1877 г. в музей была передана большая и разнообразная по своему составу коллекция старинного вооружения из Соловецкого монастыря. Эта северная обитель со второй половины XVI в. стала военной крепостью и на протяжении двух столетий являлась центром обороны всего Поморья. Вероятно, в 1877 г. из Соловецкого монастыря в Артиллерийский музей поступил и двуручный меч 1593 г. с изображением человеческой головы с бородой и

усами, а также литер «T.S.» и «R.V.»²⁷.

В последующие годы музей пополнился старинными орудиями и оружием из Троице-Сергиевой лавры, Суздальского Спасо-Ефимовского монастыря, Киевского и Брянского арсеналов, Тульского оружейного завода, Рижского гарнизона и еще из целого ряда мест.

Важной вехой на пути научного изучения музейных собраний и коллекций стала публикация подготовленного Н.Е. Бранденбургом в результате многолетнего труда «Исторического каталога Санкт-Петербургского Артиллерийского музея». Его третья часть, посвященная коллекциям иностранного отдела музея, увидела свет в 1889 г. В каталоге дано подробное описание западноевропейского оружия и доспехов, особо выделены уникальные вещи и реликвии.

Среди экспонатов музея были немецкий рыцарский меч с девизом «Боже, даруй своему народу победу над врагами». На лезвии меча изображение «голова короля» – клеймо известного мастера Иоганнеса Вундеса, работавшего между 1560 и 1620 гг. Это клеймо сохранилось на притолоке его дома в Золингене, вместе с инициалами «I. W.», девизом и двустижьем: «Голова короля – мой герб, в котором мне столь много завидовали». При сыновьях и внуках клеймо не удержало на высоте своей репутации, а в конце XVIII в. наследники продали право на использование клейма за смешную сумму в четыре талера.

Меч палача (меч одного из тайных судилищ, как назвал его Бранденбург) изготовлен мастером Петером Клотом, работавшим в Золингене, Цюрихе и даже в Москве в 1638–1664 гг. Рукоять меча снабжена двумя кожаными подушечками, украшенными набором из латунных цветков.

Парадные рыцарские латы, изготовленные в Германии в 1547 г., покрыты позолотой, гравировкой и красной краской. На шлеме по сторонам изображены летящие ангелы с венками и пальмовыми ветвями в руках. На нагруднике распятие Спасителя, окруженное орнаментом. Сверху надпись «Бог так возлюбил мир, что Единородного Сына своего отдал, чтобы все, кто в него уверовали не погибли бы, но получили вечную жизнь».

Вышеперечисленные предметы – лишь малая толика описанных и включенных Н.Е. Бранденбургом в каталог²⁸.

Специально для оружия, доспехов и других экспонатов из стран Западной Европы и Азии был создан Отдел иностранных памятников. Он располагался на втором (антресольном) этаже музея. В путеводителе по музею отмечалось, что там хранится «множество памятников, в своем роде единственных»²⁹.

В 1912 г. в музей поступила коллекция оружия Сергея Васильевича Перлова (1836–1910) –

именитого московского купца, одного из «чайных королей» дореволюционной России. Коллекция была достаточно разнообразна. В ней было представлено огнестрельное и холодное оружие и защитное вооружение XIV–XIX вв. из Европы и Азии. С.В. Перлов собирал коллекцию с 1851 по 1909 г., прежде всего, во время поездок по Сибири и Востоку, некоторые предметы были приобретены им в Москве. Наибольшая часть коллекции – это восточное оружие. Среди западноевропейского холодного оружия интересны итальянская шпага XVII в., немецкая шпага (меч) XVI в. В описи упоминается о нескольких «западных шашках» XV в. Коллекция в основной своей части сохранилась до настоящего времени, но разрознена по фондам музея и не представляет собой единого целого³⁰.

Однако музей не только получал, но и отдавал свои экспонаты. В 1903 г. по распоряжению товарища (заместителя) генерал-фельдцейхмейстера Николаевской академии Генерального штаба переданы два комплекта рыцарских доспехов³¹.

Налаженный ритм работы музея сломала Февральская революция 1917 г. Немцы рвались к Петрограду, и Временное правительство распорядилось о срочной эвакуации ценностей в глубь страны. В конце сентября того же года по распоряжению Временного правительства более 75% музейных фондов было эвакуировано в город Ярославль. Артиллерийскому историческому музею (далее – АИМ) предстояло пережить тяжелый, а порой и драматичный период своей истории.

25 сентября 1917 г. три баржи с имуществом музея отплыли из Петрограда в Ярославль. Сопровождала этот бесценный груз команда прапорщика Курышева, состоящая из трех солдат-конвоиров 1-й артиллерийской бригады. В начале 1918 г. знамена, особо ценное оружие и архив были отправлены железнодорожным транспортом.

В Ярославле обстановка для музея складывалась чрезвычайная. Во время эсеровского мятежа (6–22 июля 1918 г.) места размещения коллекции АИМ были полем боя. Спасский монастырь, где находились знамена, старинное ручное огнестрельное и холодное оружие (в том числе и западноевропейское), подвергся артиллерийскому обстрелу. Возникшим пожаром уничтожено 2000 знамен, 300 экземпляров оружия и много других уникальных экспонатов. Очень основательно пострадало и имущество на баржах. Одна из них, пробитая снарядом, затонула и была поднята лишь в сентябре. Вторая баржа получила течь, ящики с оружием и архивными документами оказались в воде. С большим трудом за несколько дней команда Курышева разгрузила баржу, и архив вместе с оружием и знаменами был отправлен

на артиллерийский склад. Для спасения пострадавших памятников и документов необходимо было как можно быстрее вернуть их в Петроград. Но реэвакуация растянулась почти на шесть лет. У Артиллерийского управления не было средств на перевозку. И все эти долгие годы бесценно на берегу реки Коростели охраняли музейное имущество прапорщик Курышев и три его помощника. Они несли свою службу, месяцами не получая ни зарплаты, ни продовольственных пайков.

С возвращением в родные стены, теперь уже в Ленинград, собрание музея пополнялось оружием. Однако изменились источники его поступления. Пополнение музейных фондов шло, прежде всего, за счет реформирования и перепрофилирования, а отчасти и ликвидации, других музеев, а также за счет поступлений от частных лиц.

Из разрозненных частей доспехов, вернувшихся из эвакуации в Ярославль, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. сотрудником Эрмитажа Михаилом Федоровичем Косинским было собрано семь комплектов доспехов: рыцаря второй половины XVI в. («сплошь покрыт гравировкой весьма грубой работы»), «максимилиановский» – начала XVI в., четыре доспеха XVI–XVII вв. (один из них был раскрашен и позолочен) и полудоспех XVII в.³²

В июне 1926 г. Ленинградский отдел Главнауки передал АИМ музейные предметы из собрания ликвидированного Общества ревнителей истории. Среди оружия оказалась алебарда XVI в.³³ Со стрельбища войск частей Ленинградского гарнизона в ноябре 1928 г. был получен ряд предметов, имевших музейную ценность, в их числе были латы (одна целая и две спинные части)³⁴. Вероятно недостающие части доспехов использовались в качестве мишеней.

В 1930 г. из фондов бывшего Суворовского музея в АИМ было возвращено 618 экспонатов, большую часть которых составляло оружие XVII – начала XIX вв. Среди них были западноевропейские мечи, шпаги, мушкетеры, пистолеты, алебарды, боевые топоры, кинжалы, доспехи и т.п.³⁵

В июне того же года заместитель директора Государственного Эрмитажа по научной части В.В. Легран проинформировал командование АИМ, что арсенал Аничкова дворца, хранящийся в Эрмитаже, может быть беспрепятственно передан в Артиллерийский исторический музей³⁶. Спустя год арсенал (203 пики и эспантона, 326 пистолетов, 651 ружье и 748 экземпляров стрелкового оружия различных стран и эпох) поступил в АИМ³⁷.

В середине 1930-х гг. Государственный Эрмитаж отдал АИМ во временное пользование большое количество средневекового западноевропейского оружия – мечи, шпаги, чеканы,

арбалеты и ружья. Некоторые (например, савойский шлем тяжелой кавалерии XVI в., польский и венгерский шлемы XVI–XVII вв., пернач и др.) остались в музее и на постоянное хранение³⁸.

Из Эрмитажа в 1936 г. в собрание АИМ попал щит арбалетчика – павезе (или тарч), им во бою прикрывались воины от вражеских стрел во время натягивания тетивы арбалета. Щит изготовлен в городе Констанце в XV в. Он украшен гербом этого города.

Особую ценность представляют переданные Эрмитажем части роскошного золоченого доспеха (оплечья и набедренники) с изображением гербов и большой государственной печати российского государства. Они были заказаны для Лжедмитрия I (1605–1606) в Германии. Известный коллекционер камер-юнкер А. И. Базилевский приобрел их на аукционе в Париже и преподнес в дар императору Александру II во время пребывания последнего на водах в Эмсе³⁹. Самодержец передал доспехи в Царскосельский арсенал, откуда они после революции поступили в собрание Эрмитажа.

В марте 1935 г. Военный историко-бытовой музей предложил АИМ определить, что будет оставлено в постоянное пользование из большого числа выделенных в 1930–1933 гг. во временное пользование экспонатов. К письму прилагался список на пятидесяти четырех листах. Значительное место в этом списке занимали оружие и элементы доспехов западноевропейского средневековья и Возрождения⁴⁰.

В октябре 1935 г. новый начальник Артиллерийского исторического музея Ян Францевич Куске предпринял попытку получить для музея ряд московских собраний. Обращаясь к начальнику Главного артиллерийского управления, он писал: «Артиллерийский исторический музей является единственным в СССР музеем истории вооружений, а в связи с проводимой его реконструкцией выдвигается в роли одного из самых крупных учреждений этого рода в Европе. Необходимость при новой установке в работе музея отразить возможно полное историческое развитие оружия требует пополнения встречающихся в коллекции АИМ пробелов и просить о передаче из соответствующих хранилищ неиспользуемых ими материалов. В первую очередь настоятельно прошу ходатайства о передаче АИМ собрания по истории вооружений принадлежащего Государственному историческому музею в Москве. Собрание это (бывший Военно-исторический музей) составлено из коллекций полковых музеев царской армии, из коллекции Котуар де Бионкура и частных собраний, поступивших за годы революции. Помимо оружия в собрание входят: коллекция знамен, форм обмундирования, картины и гравюры батального содержания, специальный архив и справочная

библиотека. С 1927 г. это собрание погребено в подвалах Государственного исторического музея и не может быть им использовано. В связи с постановлением партии и правительства о реконструкции Москвы, в ближайшие годы должно быть снесено здание Исторического музея. Упомянутые военные собрания будут либо свезены на склады, либо розданы по другим музеям Наркомпроса. В первом случае собрание останется неиспользованным долгие годы, а во втором ему грозит опасность распыления и даже гибели. В настоящих условиях АИМ является единственным учреждением, которое может обеспечить хранение упомянутого собрания исключительной ценности. Ходатайствуя о вышеизложенном необходимо доложить, что несколько лет тому назад АИМ, идя навстречу пожеланию Наркомпроса передал для Гос. Эрмитажа ценнейшие археологические собрания Н.Е. Бранденбурга, представляющие собой одно из крупнейших собраний этого рода. Это обстоятельство дает исключительное право Артмузею получить из Исторического музея все оружейные и военного быта экспонаты»⁴¹.

Спустя месяц Государственный исторический музей (далее – ГИМ) ответил категорическим отказом в передаче оружейного собрания. Директор музея И.Г. Дмитриев заявлял, что оно является единственным в Москве и его предметы экспонируются во многих городских и областных музеях. Кроме того, даже в случае сноса здания Исторического музея на Красной площади, музей не прекратит своего существования и ему будет предоставлено новое здание. Тем не менее И.Г. Дмитриев не исключал возможности передачи отдельных экспонатов в АИМ: «Вполне допустимо выделение из коллекций ГИМ предметов для пополнения пробелов Артмузея»⁴².

В декабре того же года Куске, понимая, что ГИМ просто так не откажется от своих оружейных собраний, попытался получить хотя бы некоторые экспонаты. Обращаясь к руководству московского музея, он писал: «Прошу не отказать в передаче музею возможных к выделению экспонатов – оружия, относящегося к докапиталистическим формациям. Развертываемая экспозиция, музей особенно нуждается в экспонатах относящихся к родовому строю и рабовладению (бронза и железо), равно и к эпохе ранней феодальной формации»⁴³. Тогда же была составлена опись оружия, относящегося к «докапиталистическим формациям». В ней числились два норманнских меча, два меча XII–XIII вв., два наконечника копий, два боевых топора и один умбон⁴⁴. Спустя два года ГИМ передал музею польский шлем и два немецких меча XVII в.

В Государственный этнографический музей была направлена просьба о передаче АИМ

трехствольной немецкой ручницы XV в., экспонировавшейся почему-то в отделе Средней Азии⁴⁵.

В декабре 1935 г. в Лужский краевой музей был командирован старший научный сотрудник АИМ Д.М. Грищенко для получения рыцарского доспеха и выявления имеющегося в музее исторического оружия⁴⁶. Вероятно, доспех и оружейная коллекция попали в музей из какой-нибудь дворянской усадьбы, которых было много в окрестностях Луги⁴⁷.

В 1940 г. в занятую советскими войсками Молдавию и Бессарабию был отправлен сотрудник музея Грусланов. В числе военных трофеев он доставил в музей двуручный меч, на крестовине которого вбита дата 1687 г.

Следует отметить, что именно благодаря энергичной деятельности Я.Ф. Куске музей смог получить многие ценные экспонаты. Из музейного сектора массового отдела Ленсовета музею удалось забрать «два западноевропейских кинжала в костяных ножнах с резными изображениями святых, один кинжал в металлических ножнах... и рыцарские шпоры»⁴⁸.

Дом отдыха им. С.М. Кирова в 1936 г. передал АИМ немецкий шлем конца XVI – начала XVII вв. с забралом в виде клюва и алебарду. В том же году из Академии наук СССР в музей прислали два двуручных меча (один из них мюнхенского типа) и прусский арбалет.

28 января 1937 г. из Государственного Большого драматического театра им. Горького в музей в составе достаточно большого количества предметов поступили 14 немецких алебард XVII–XVIII вв., 3 двуручных меча (швейцарский, немецкий, итальянский), 6 немецких охотничьих кортиков, рыцарский шлем и арбалет⁴⁹.

Пополнялся музей и благодаря родному военному ведомству. Так, например, с Артиллерийского склада № 75 в 1936 г. в музей доставили немецкую шпагу XVII в. С курсов «Выстрел» в 1939 г. поступил немецкий рейтарский шлем XVI в. с личиной и башмаки от рыцарского доспеха. Артиллерийская академия в 1938 г. дополнила собрание АИМ немецким полудоспехом XVI–XVII вв., а Артиллерийская техническая школа – дагой эпохи Ренессанса и немецкой алебардой XVII в. Из музея при Доме Красной армии в Одессе в Артиллерийский исторический музей был передан немецкий доспех с алебардой XVII в.⁵⁰ Сам доспех был сделан в конце XIX в., однако спинная его часть была изготовлена в XVI в. в мастерской знаменитого аугсбургского доспешника А. Пеффенгаузера и, возможно, декорирована Йоргом Соргом.

В 1930-е гг. в музей стали поступать предметы, конфискованные из частных коллекций. К сожалению, установить их прежних владельцев не представляется возможным. Так, в октябре 1935 г. из Областной ленинградской ми-

лиции в музей направили большую партию оружия, в составе которой были два немецких, один итальянский меч, шпага, стилет и кинжал для левой руки XVI–XVII вв.

Из Центрального склада НКВД по ведомости от 7 декабря 1939 г. в музей привезли два кинжала. Один из них охотничий с надписью «1614 Anno Domini» и изображением зверей и птиц на рукояти. Второй кинжал произвольной формы с рукоятью в виде рыцаря, стоящего на гадюке. В ножнах, на которых изображен рыцарь, имеются ножик и вилка с фигурными изображениями орлов.

В послереволюционные годы собрание западноевропейского оружия эпохи средневековья и Возрождения пополнялось также за счет даров и приобретений у частных лиц.

В 1937–1939 гг. житель Ленинграда Игорь Григорьевич Терещенко передал Артиллерийскому музею 122 единицы хранения оружия, оставшихся, скорее всего, от коллекции отца (15 различных ружей, 8 кремневых и капсюльных пистолетов, восточное древковое, метательное и защитное оружие). Так, например, 7 марта 1938 г. передал в дар музею одну испанскую и две итальянских даги XVII–XVIII вв.⁵¹ Коллекция принадлежала его отцу Григорию Гавриловичу Терещенко, действительному статскому советнику, члену Дирекции общества и лечения при Петроградском обществе врачебной помощи (с 1917 г.), сотруднику Управления главной врачебной инспекции. В 1929 г. он проживал в Ленинграде в д. 5 по Надеждинской улице. Численность и состав его коллекции неизвестны, но, вероятно, часть оружия была изъята после Октябрьского переворота 1917 г.⁵² После смерти самого И.Г. Терещенко его вдова Елизавета Юрьевна передала некоторые предметы из коллекции Г.Г. Терещенко музею⁵³.

В октябре 1937 г. у гражданина В.О. Уварова, проживавшего на Лесном проспекте в Ленинграде, за 500 рублей золотом был приобретен немецкий рыцарский доспех XVI в.⁵⁴

В те годы много сделал для изучения средневековой западноевропейской артиллерии и оружия в собрании музея Всеволод Викторович Арендт (1887–1937). Об этом человеке следует сказать особо.

Дворянский род этого незаурядного ученого и крупного специалиста в области военной истории и оружия восходит к XII в. Его немецкие предки еще в XVII в. осели в России и верой и правдой служили своей новой родине. Достаточно вспомнить лейб-медика Н.Ф. Арендта, лечившего смертельно раненого А.С. Пушкина.

В.В. Арендт учился на юридическом факультете университета в Тулузе (Франция), был слушателем Московского археологического института, как стипендиат этого института

находился в заграничной командировке – занимался в музеях Вены и Парижа. Военная служба В.В. Арндта началась в 1908 г. в звании юнкера. В годы Первой мировой войны он дослужился до командира эскадрона 1-го лейб-драгунского Московского имени Петра Великого полка. В октябре 1917 г. Арндт вышел в отставку «по болезни и контузии». Затем ему довелось послужить в Красной армии, поработать в Главном управлении коннозаводства и Высшей школе штабной службы командного состава⁵⁵.

В 1926–1933 гг. В.В. Арндт работал в Государственном историческом музее, а с переездом в Ленинград поступил на службу в Государственный Эрмитаж вместо арестованного НКВД профессора А.А. Автономова, ведавшего в музее западноевропейским оружием.

Однако вскоре В.В. Арндт вынужден был уйти из Эрмитажа и поступить на работу ученым секретарем в Артиллерийский исторический музей. Современники отмечали, что Арндт был не только очень образованным, но и исключительно деликатным человеком. Своей элегантностью и манерой хорошо одеваться он вызывал раздражение директора Эрмитажа академика Орбели. Знавшие его коллеги отмечали, что он выглядел, как «породистый дворянин». Однако главной причиной ухода Арндта из главного музея страны было его сотрудничество с иностранными оружейно-техническими журналами, в частности с немецким журналом, посвященным истории оружия и костюма «*Zeitschrift für historische Waffen und Kostümkunde*» (выходил с 1897 по 1944 гг.). Сотрудничество с ними «сделалось с начала 30-х годов крайне нежелательным в глазах властей и попросту опасным фактом»⁵⁶.

По отзыву авторитетных ученых – современников В.В. Арндта А.В. Арциховского, А.П. Смирнова, Г.А. Новицкого – он являлся «крупнейшим в СССР специалистом по истории оружия и автором нескольких десятков печатных работ».

В 1935 г. была опубликована статья В.В. Арндта «К истории средневековой артиллерии (Генезис развития конструкции казнозарядных пушек XIV века)». В ней он впервые дал подробное описание уникальных артиллерийских орудий XIV–XV вв. из собрания Артиллерийского исторического музея. По мнению ученого, техническими предпосылками развития артиллерии в Европе явились «не только химический момент (греческий огонь – порох), но и заимствованный из византийского морского огнемета конструктивный принцип». Древнейший тип казнозарядной пушки первоначально появился на флоте и представлял собой основную систему в морской артиллерии XIV–XVI вв. Казнозарядные пушки с вкладными каморами, от которых отказались

в сухопутной армии к концу XV – началу XVI вв., использовались на флоте до XVII в. в Западной Европе, а на Востоке и до XIX в.⁵⁷

Вероятно на рубеже 1936–1937 гг. В.В. Арндтом была подготовлена, но не опубликована статья «Конский доспех из собрания Оружейной палаты»⁵⁸. Статья посвящена парадному доспеху, изготовленному в 1545–1555 гг. знаменитым доспешным мастером Кунцем (Конрадом) Лохнером (1510–1567), принадлежавшим к плеяде выдающихся мастеров по металлу. Расцвет его деятельности в Нюрнберге начинается с 1540-х гг. С этого времени Лохнер выполнял заказы европейских государей и крупных владетельных князей. Среди его заказчиков были император Священной Римской империи германской нации Максимилиан II, испанский королевский дом, немецкие курфюрсты и польско-литовские магнаты. Иоганн Нейедорфер в своих записках (1545) назвал К. Лохнера «высокохвальным в его искусстве», а его гравюру по стали – совершенной и похожей на работу по серебру. Его клеймо – вздыбленный лев о двух хвостах на щите в форме тарча – было известно во всех концах Европы. В.В. Арндт не только подробно описал доспех, но и проследил его путь от мастера к последующим владельцам. Первоначальным заказчиком был курфюрст Альбрехт Бранденбургский (1490–1568). Следующим владельцем доспеха стал родственник маркграфа польский король Сигизмунд Август – страстный любитель и собиратель оружия. От него доспех попал к Стефану Баторию, женатому на сестре Сигизмунда Анне (она наследовала имущество бездетного брата). В 1581 г. польский король подарил этот доспех русскому царю Ивану IV Грозному. Арндт охарактеризовал доспех как «один из лучших и наиболее характерных для творчества прославленного нюрнбергского бронника»⁵⁹.

Статья В.В. Арндта имеет большое значение для изучения творчества знаменитого оружейника, тем более, что в собрании ВИМАИВиВС имеются конские доспехи, изготовленные Кунцем Лохнером в 1552 и 1556–1560 гг. для герцога Иоганна Вильгельма Саксен-Веймар-Кобургского и саксонского курфюрста Иоганна Фридриха II.

Однако В.В. Арндту недолго пришлось поработать в Артиллерийском историческом музее. Его коллега – М.Ф. Косинский – вспоминал: «Осенью 1937 г. в Артиллерийский музей прибыл из Москвы некий военный и, вызывая поочередно сотрудников музея, чинил им форменный допрос. В этот день я торопился в Эрмитаж и попросил принять меня вне очереди. В кабинете начальника музея, с глазу на глаз, он начал допрашивать меня, задавая вопросы, не имеющие никакого отношения ни к музейным делам, ни к моей работе. Прервав

его, я сказал, что совершенно излишне допрашивать меня наводящими вопросами. Я честно работаю, а что до моих «недостатков», то могу перечислить их сразу, в виде перечня. Он согласился, и я перечислил: баронский титул, ссылку, эмигрировавшего за границу брата. Тем не менее, следуя, видимо, данной ему инструкции, он вскользь спросил меня еще о планах моей научной работы, – и мы простились. Было совершенно ясно, что мне не дадут работать в военном учреждении (каким в известной степени мог считаться Артиллерийский музей) и в ближайшее время меня уволят. К этому времени самым влиятельным лицом в музее оказался язвительно-добродушный, цепко приглядывающийся ко всем рядовой солдат, назначенный заместителем начальника музея по политической части («замполитом»). Всеволод Викторович Арендт был арестован...»⁶⁰.

В ходе следствия по делу Арендта был допрошен всего лишь один свидетель – «научная сотрудница Эрмитажа, видный археолог М.». Она сообщила органам, что знает В.В. Арендта с 1928–1929 гг. и считает музейным работником «очень низкой квалификации». В разговорах он «клеветнически заявлял, что интеллигенция в СССР не имеет политических прав и устранена от участия в руководстве политической жизнью страны», говорил, что «вся страна терроризирована, никто не может сказать свободно о своих политических убеждениях... клеветал на действия органов НКВД, заявляя, что проводятся массовые репрессии, что сажают людей без основания». В 1962 г. при проверке дела В.В. Арендта ту же свидетельницу вновь попросили рассказать о репрессированном ученом, и она дала прямо противоположные показания. По ее словам, Всеволод Викторович был «увлечен своей специальностью... взаимоотношения с ним были хорошие... насколько помню, антисоветских и антипартийных взглядов я от него не слышала». Когда же М. напомнили о ее губительных для В.В. Арендта показаниях 1937 г. и дали их прочитать, она заявила, что первоначальные показания «не соответствуют действительности» и были даны «под принуждением»⁶¹.

14 декабря 1937 г. В.В. Арендт был расстрелян⁶². «Будто паровой каток катится по моему родному городу – то закроется книжный магазин, то исчезнут бесследно дорогие мне люди, то еще раз даст о себе знать запрет написать за границу, получить оттуда письмо, прочитать статью в иностранном журнале по своей специальности...»⁶³, – писал современник и коллега В.В. Арендта об этих страшных годах.

По сфабрикованному в 1935–1936 гг. делу так называемой «Российской националистической партии» («Дело славистов») были арестованы заведующий Отделением оружия Государственного Эрмитажа профессор Александр

Александрович Автономов и его помощник Эмилий Оскарович Линдровс (Линдровс, Линдроз, Линдровз, Линдрозе). Их обвинили в снабжении оружием украинских националистов. Поводом для этого послужила следующая история. В Эрмитаж поступил запрос из Харьковского государственного музея (Харьков в это время был столицей Украинской ССР) с просьбой передать на постоянное хранение несколько предметов старинного вооружения. После соблюдения всех официальных формальностей и получения разрешения из Комитета по делам искусств, в Харьков были отправлены несколько двуручных мечей XVI в. и другого старинного оружия. Вероятно эти древности, по убеждению бдительных сотрудников НКВД, и планировали использовать украинские националисты в борьбе с Советской властью⁶⁴.

Именно с этим делом, вероятно, связано значительное пополнение собрания западноевропейского и восточного оружия АИМ. В 1936–1937 гг. жительницы Ленинграда гражданка Автономова и Александра Васильевна Линдровс – родственницы арестованных – продают Артиллерийскому историческому музею несколькими партиями значительное количество единиц оружия, доспехов, военного снаряжения и пр. Некоторые из них представляют собой уникальные экземпляры.

В августе 1936 г. гражданка А.В. Линдровс продала музею шлем нюрнбергской работы, а в августе и сентябре того же года у нее же были приобретены несколько роскошных пороховниц с художественной резьбой по кости и гравировкой по металлу и четыре итальянских стилета XVII в.⁶⁵ 15 октября 1937 г. А.В. Линдровс продала музею немецкий полудоспех XVII в., состоящий из кирасы с набедренниками, спины, ожерелья, оплечья и шлема, два оплечья с латунной отделкой от немецкого доспеха, наколенники от доспеха (с позолоченными клеймами), наручи, ожерелье и оплечья от швейцарского доспеха XVII в. и испанский стилет XVII в.⁶⁶

В ноябре 1937 г. А.В. Линдровс предложила музею очередную «партию» оружия, состоящую из 51 предмета, которые были приобретены. Таким образом в музей попали швейцарский шлем XVI в., швейцарский шлем типа «морион» XVII в., три немецкие пороховницы XVI в. художественной работы, немецкие ножи XV в. с изображением библейских сцен⁶⁷. 26 декабря 1937 г. музей купил у нее рукавицы от рыцарского доспеха «максимилиановского» типа XVI в. В декабре 1937 г. Линдровс продала музею перчатки («отличной сохранности») от рыцарского доспеха XVI в.⁶⁸

В марте 1938 г. музей счел нужным приобрести у нее же декоративный рыцарский доспех,

изготовленный в XIX в., на деревянном постаменте. В заключении закупочной комиссии указывалось: «Приобрести желательнo. Такогo доспеха нет в Артмузее. Пригоден как декоративный, так и для проката»⁶⁹.

По сравнению с ней гражданка Автономова выглядит аутсайдером. Из средневекового западноевропейского оружия ей удалось продать в АИМ лишь гравированную различными изображениями пороховницу с автоматической меркой, кремневый пистолет и мавританский замок. Все предметы относятся к XVII в. В апреле 1941 г. музей приобрел у Автономовой полный рыцарский доспех XVI в., покрытый художественной гравировкой и позолотой.

Поражает разнообразие и богатство предметов, приобретенных АИМ у А.В. Линдровс и Автономовой. Впечатляют и денежные суммы, выплаченные за них музеем. Невольно создается впечатление, что упомянутые гражданки хранили в своих ленинградских квартирах немалые арсеналы холодного и стрелкового оружия, а ведь они продавали музею в большом количестве не только западноевропейское, но и восточное, а также русское оружие различного времени. Напомним, что в это время в СССР идут массовые репрессии. Один лишь факт хранения оружия, пусть и антикварного, мог привести человека к аресту и даже гибели. Средневековый меч и колесцовый пистолет в глазах сотрудников НКВД мог легко превратиться в оружие террора против советских вождей.

Нельзя замалчивать и то, что в 1918–1930-х гг. подвалы Эрмитажа «грабителями с официальными мандатами» были превращены в один большой склад, куда свозились конфискован-

ные частные коллекции произведений искусства, старинного оружия и др. В течение ряда лет все эти огромные ценности оставались неучтенными...⁷⁰ А ведь именно в Эрмитаже работали арестованные А.А. Автономов и Э.О. Линдровс.

Следует отметить, что АИМ и в 1930-е гг. не только пополнял свое собрание, но и отдавал экспонаты в другие музеи. Так, в январе 1934 г. Антирелигиозному музею г. Ленинграда (ныне Государственный музей истории религии) было передано шестьдесят музейных предметов с религиозными надписями и рисунками. В их числе оказались немецкие металлические щиты с изображениями святых и девизами, наручи с кольчужной сеткой, конский намордник с надписью⁷¹. Как предполагал Н.Е. Бранденбург, этот намордник был частью конского доспеха, принадлежавшего одному из тевтонских рыцарей.

В июне 1937 г. в Одесский государственный историко-археологический музей для пополнения экспозиции отправили колесцовый пистолет, алебарду, боевую шведскую косу, клевец и пернач⁷².

За два с лишним века Цейхгауз, Достопамятный зал, Артиллерийский музей, Артиллерийский исторический музей сформировали уникальное собрание западноевропейского оружия и доспехов. С конца XIX в. началась его научная обработка и систематическое изучение. Одновременно шло активное пополнение фондов музея. Великая Отечественная война прервала этот созидательный процесс.

¹ См. подробнее: Портрет петровского времени. Каталог выставки. Л., 1973.

² Алексеева М.А. Гравюра Петровского времени. Л., 1990. С. 164–165.

³ Описание порядка держанного при погребении блаженная, высокосланыя и вечнодостоянейшая памяти всепресветлейшего державнейшего Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского и блаженная памяти Ея императорского высочества, государыни цесаревны Наталии Петровны. СПб., 1725. С. 19, 28.

⁴ Талызин И.Д. Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 года. СПб., 2006. С. 83.

⁵ Там же.

⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3 р. Оп. 2. № 354. Л. 45; Талызин И.Д. Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов. С.94.

⁷ АВИМАИВиВС. Ф.2 (1732 г.) Опись ГП. № 174. Л. 12.

⁸ Там же. Ф.2 (1733 г.) Опись ГП. № 188. Л. 133

⁹ Там же. Л. 145.

¹⁰ Там же. Л. 158–158 об.

¹¹ Там же. Л. 355.

¹² Там же. Л. 255.

¹³ Талызин И.Д. Указ. соч. С. 83–84.

¹⁴ Из этих трофеев в Достопамятном зала была сформиро-

вана специальная «Комната Королевства Прусского» (Талызин И.Д. Указ. соч.С. 65–71).

¹⁵ Талызин И.Д. Указ. соч. С. 83.

¹⁶ Бранденбург Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. СПб., 1889. Ч. III. С. 281–285.

¹⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. № 4. Опись Артиллерийского музея. Часть II. Книга «А-Н». 1882 г. Л. 3 об. – 4, 294 об – 295, 297 об. – 298.

¹⁸ Талызин И.Д. Указ. соч. С. 82.

¹⁹ В конце XIX в. в Артиллерийском музее хранился еще один кесельфлинт из Ревельского цейхгауза, также богато украшенный литыми изображениями тритона, оленей, птиц, святого с агнцем в руках и гербами. Современное его местонахождение неизвестно (Бранденбург Н.Е. Указ. соч. Ч. III. С. 67–68; Антинг Л. Таллинские оружейники и огнестрельное оружие XIV–XVI веков. Таллин, 1967. С. 46–47).

²⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. № 5. Опись Артиллерийского музея. Часть II. Книга «П-Я». 1882 г. Л. 182 об. – 183.

²¹ Струков Д.П. Путеводитель по Артиллерийскому историческому музею. СПб., 1912. С. 88.

²² Талызин И.Д. Указ. соч.С. 83.

²³ Этот щит Н.Е. Бранденбург ошибочно относил к XIV в.

- (АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. № 5. Опись Артиллерийского музея. Часть II. Книга «П-Я». 1882 г. Л. 314 об. – 315).
- ²⁴ Там же. № 4. Опись Артиллерийского музея. Часть II. Книга «А-Н». 1882 г. Л. 2 об. – 3.
- ²⁵ Там же. Л. 318.
- ²⁶ Бранденбург Н.Е. Указ. соч. Ч. III. С. 172, 175, 189, 215–216.
- ²⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. № 4. Опись Артиллерийского музея. Часть II. Книга «А-Н». Л. 303 об. – 304; Бранденбург Н.Е. Указ. соч. Ч. III. С. 212–213.
- ²⁸ Бранденбург Н.Е. Указ. соч. Ч. III. С. 172, 175, 189, 215–216.
- ²⁹ Струков Д.П. Указ. соч. С. 81.
- ³⁰ Анисимова М. Арсенал чайного короля. Коллекция оружия С.В. Перлова в Артиллерийском музее // Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. 2007. № 5. С. 58–64.
- ³¹ АИМАИВиВС. Ф. АИМ. № 68. Л. 57. «Латы немецкие рыцарские из полированного железа, без гравировки, в нескольких местах украшены медными звездочками, экземпляр сборный и неполный» (АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. № 4. Опись Артиллерийского исторического музея. Часть II. Книга I «А-Н». 1882 г. Л. 307 об. – 308, 308 об. – 309) и «латы немецкие рыцарские полированные, украшенные набором из шляпок и следами на последних позолоты, экземпляр сборный» (Там же. Л. 309).
- ³² АВИМАИВиВС. Ф. 3 р. Оп. 9. № 21. Л. 1–3.
- ³³ Там же. № 11. Л. 32.
- ³⁴ Там же. Л. 75.
- ³⁵ Там же. Л. 101–102 об.
- ³⁶ Там же. Л. 244.
- ³⁷ Там же. Л. 276–278.
- ³⁸ Там же. № 14. Л. 4.
- ³⁹ Кеммерер Е.А. Вооружение, приписываемое Лжедмитрию I, хранящееся в Царскосельском Его Величества арсенале // Русская старина. 1872. Т. 5. № 2. С. 330–334; Ленц Э. Императорский Эрмитаж. Указатель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Ч. 1 (Собрание оружия). СПб., 1908. С. 283.
- ⁴⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 3 р. Оп. 9. № 14. Л. 45–55 об.
- ⁴¹ Там же. № 17. Л. 4–4 об.
- ⁴² Там же. Л. 9.
- ⁴³ Там же. Л. 15.
- ⁴⁴ Там же. Л. 22.
- ⁴⁵ Там же. Л. 13.
- ⁴⁶ Там же. Л. 10.
- ⁴⁷ См. подробнее: Мурашова Н.В., Мыслина Л.П. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Лужский район. СПб., 2001.
- ⁴⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 3 р. Оп. 9. № 17. Л. 20.
- ⁴⁹ Там же. № 33. Л. 49 об., 50, 50 об.
- ⁵⁰ Там же. Л. 162.
- ⁵¹ Там же. Л. 83 об.
- ⁵² Кулинский А.Н. Частные собрания и коллекционеры оружия в дореволюционной России // Частные коллекции оружия в дореволюционной России. М., 2004. С. 88.
- ⁵³ АВИМАИВиВС. Ф. 3 р. Оп. 9. № 300. Л. 37 об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 65.
- ⁵⁵ Там же. Оп. 13. Ед. хр. 32 (Личное дело В.В. Арендта); Кирпичников А. Н. В.В. Арендт – историк оружия и военного дела // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 145–149. Он же. Допрос с пристрастием: судьба историка оружия Всеволода Арендта // Сисситии: Памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000. С. 399–404.
- ⁵⁶ Косинский М.Ф. Первая половина века: Воспоминания. Paris: YMCA-PRESS. 1995. С. 198–199.
- ⁵⁷ Арендт В.В. К истории средневековой артиллерии (Генезис развития конструкции казнозарядных пушек XIV века) // Архив истории науки и техники. Вып. 7. М.; Л., 1935. С. 322.
- ⁵⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 3 р. Оп. 2. № 234. Л. 1–17.
- ⁵⁹ Там же. Л. 9 об. – 10.
- ⁶⁰ Косинский М.Ф. Указ. соч. С. 211.
- ⁶¹ Кирпичников А.Н. Указ. соч. С. 44.
- ⁶² По протесту прокурора г. Ленинграда Президиум Ленгорсуда 25 декабря 1962 г. посмертно реабилитировал В.В. Арендта (Кирпичников А.Н. Указ. соч. С. 45.).
- ⁶³ Косинский М.Ф. Указ. соч. С. 213.
- ⁶⁴ Там же. С. 208–209.
- ⁶⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3 р. Оп. 9. № 300. Л. 56 об. – 57.
- ⁶⁶ Там же. Л. 65 – 65 об.
- ⁶⁷ Там же. Л. 71–73 об.
- ⁶⁸ Там же. Л. 75.
- ⁶⁹ Там же. № 33. Л. 83 об.
- ⁷⁰ См. подробнее: Петров Г.Ф. Миг вечности. Музеи Санкт-Петербурга в потоке времени. СПб., 2005. С. 260–322.
- ⁷¹ АВИМАИВиВС. Ф. 3 р. Оп. 9. № 14. Л. 71.
- ⁷² Там же. № 300. Л. 41.